

Каролин ЭльячЕФФ

Семья
во всех её
состояниях

Каролин Эльячефф
Семья во всех её состояниях

Предисловие

Вот уже несколько лет меня, как и многих других моих коллег-психоаналитиков, регулярно, часто по несколько раз за неделю, просят высказать мнение или дать совет – за час, а то и минуту – по вопросам, о которых я никогда не думала. Я всегда отказываюсь. Дело не только в том, что я не могу справиться со своей неспособностью говорить о том, чего не знаю, но и в том, что «специалисты по детству», или считающиеся таковыми, заняли в медиа такое место, которое трудно переоценить. Согласны мы с этим или недовольны этим, неважно – все равно мы ответственны.

Во времена Фрейда к психоаналитику обращались только действительно страдающие люди, и он отвечал им, предлагая строгий протокол индивидуального лечения. Аналитики вели горячие споры об открытиях, совершаемых в их кабинетах, и никто из них, если не считать самого Фрейда, не мог говорить от лица психоанализа как такового. Сегодня же все наше страдающее общество в целом задает психоаналитикам самые разные вопросы при помощи средств массовой информации. Это излияние психологической и психоаналитической речи на публичную сцену благосклонно встречается широкой аудиторией, ищущей ценности, но также нормы.

Но когда Лор Адлер, гендиректор *France Culture*, предложила мне вести еженедельную передачу, я сразу же согласилась. Этот формат позволил мне свободно говорить обо всем, что я знала, при минимуме времени на размышления, даже допуская возможность противоречить самой себе. Это стало поводом показать то, что у аналитического опыта есть свои пределы, и что, хотя он не помогает отделить добро ото зла или справедливость от несправедливости, он по-прежнему незаменим, если нужно понять не то, что скрывает человек, а то, что он в самом себе не знает.

Психоанализ часто критикуют, когда используют его в слишком общих целях, в частности, для предписания, диктата норм. Однако, если дать ему возможность играть его собственную роль, он не утратит своего значения. Ведь он больше подходит для вопросов, чем для ответов, и он всегда стремится преодолеть видимости. Все может

послужить ему пищей, поскольку частная жизнь вписывается в общество, историю и культуру, которые, в свою очередь, влияют на нее. Но у него есть одно ограничение – психоаналитик, поскольку он является для себя своим собственным рабочим инструментом. Когда же его начинают допрашивать медиа, им никогда не интересно то, что он делает в своем кабинете, они просто требуют, чтобы он, поскольку он считается ученым, высказывал свои мнения в социальной сфере.

Можно ли провести различие между одним аналитиком, который готов оправдывать собственные склонности, прикрываясь той психоанализа как такового, и другим, который говорит лишь на основе своего аналитического опыта, всегда неизбежно уникального? Провести такое различие вряд ли получится, и этим объясняется то, что психоаналитики высказывают самые разные, расходящиеся друг с другом, мнения.

Более серьезными представляются случаи, которые также нельзя исключать, когда наши публично высказанные мнения проникли бы в наши кабинеты, где мы бы стали злоупотреблять ими в работе с пациентами, или наоборот, пациенты сами попробовали бы злоупотребить ими: психоаналитику опасно становиться известным и выходить на публику, даже если от этого не умирают. Последствия такой публичности являются не социальными, а профессиональными.

Я решила опубликовать эти передачи потому, что их темы полностью соответствуют моей профессиональной практике и моим непрофессиональным интересам, моим увлечениям и моим приступам гнева. Я, насколько это возможно, беру на себя ответственность за последствия, поскольку работаю почти исключительно с людьми, которые не слушают *France Culture* и никогда не слышали ни о Фрейде, ни о Франсуазе Дольто. В их обществе я возвращаюсь к анонимности, столь важной для того, чтобы практиковать анализ, не слишком себя стесняя.

В полной свободе.

Дети

Частные объявления в Le Monde

В ежедневных газетах я обычно не пропускаю раздел частных объявлений. Семьи или друзья дают объявления о «знаковых» событиях: рождениях, свадьбах, кончинах, годовщинах. Я пытаюсь найти имена людей, которые мне близко или хотя бы косвенно знакомы. Так я узнаю, что у них произошло что-то хорошее или плохое. Но также я подробно читаю и объявления незнакомых мне людей, и они наводят меня на разные размышления. Часто я замечаю, что, начав с объявления, в котором полно имен собственных, я придумываю себе целую историю. Я внутренне сопереживаю, когда чей-то ребенок умирает от болезни или от несчастного случая. Прочтя про рождение четвертой дочери в чьей-то семье, упрямо твержу себе, что родители, должно быть, были разочарованы.

Если же говорить серьезно, раздел частных объявлений отражает то, как современные семьи, которые читают такие газеты, заявляют о важных и значимых для себя событиях. То есть это уже само по себе сюжет для передачи под названием «Семья во всех ее состояниях».

О рождениях говорить проще, чем о смертях. Что представляет собой объявление о рождении? Надо заявить всему миру – *Le Monde* [«Мир»] дает возможность для простой, но частой игры слов, – о появлении на свет мальчика или девочки, называемых сыном или дочерью, появившихся в результате встречи мужчины и женщины, именуемых родителями, которые сами появились на свет в силу встречи мужчины и женщины, которые именуются бабушками и дедушками по отцовской и материнской линии. Нередко бывает так, что новорожденному предшествовали другие дети, именуемые братьями и сестрами. Начнем с них. Я всегда немного улыбаюсь, когда читаю: Жан или Элоди «с удовольствием сообщают о появлении на свет» Зои или Патрика, если только родители не «оставят Нилу радостную возможность» сообщить о рождении его сестры Рашель. Конечно, я бы очень удивилась, если бы прочитала: Марк с неудовольствием сообщает о появлении на свет своей сестры Жюли. Хотя я недавно читала объявление, в котором обнаруживается небольшая прореха в этом коде, требующем вытеснения всякой амбивалентности: «Лоран и Виктуар крайне заинтригованы рождением

своей сестры Полины». Вот пример родителей, для которых социальный кодекс перестает действовать, когда лицемерие граничит с ложью.

Во многих объявлениях старшие дети и родители ставятся на одну и ту же поколенческую доску, например, когда Жанна, Пьер и Мари – без фамилии – с радостью сообщают о рождении Филиппа. Скорее всего, хотя это и не наверняка, место старшего ребенка (Жанны или Мари?) не вполне четко определено по отношению к отцу/мужу.

Когда же объявление дают дедушки и бабушки, можно вообразить самые разные семейные сложности и дискуссии, которыми сопровождается согласование конечного текста. Очень редко присутствуют все четверо, разве что в тех случаях, когда они отводят себе главную роль, отодвигая родителей на задний план. Например: «Мари-Поль и Рэймон Ж., Даниэль и Жан-Пьер Л. с радостью сообщают о рождении своего внука Фабио, сына Жюдит и Эмманюэля» (без фамилии).

Когда мы читаем: «Жорж и Рафаэль Р., Ален и Мишель Р. вместе с детьми рады сообщить о рождении Тибо, Эли», не сразу можно понять, что первая пара – бабушка и дедушка по отцовской линии, а вторая – родители; что касается бабушки и дедушки с материнской линии, они в тексте отсутствуют.

В частных объявлениях *Figaro*, кажущихся едва ли не официальным учреждением, в котором истории семьи отслеживаются от и до, начиная с помолвок и заканчивая бриллиантовыми свадьбами, не прочтешь объявления вроде: «Жасмин и Мари М. с огромной радостью сообщают о рождении Лили». Получается, что Лили была рождена двумя женщинами? Может быть, она сестра Жасмин и Мари? Или она удочерена Мари, которая живет с Жасмин? Конечно, эти вопросы так и останутся без ответа. Каждый может понимать их как хочет. Или еще более странное объявление: «Дорис де Б., Ян и Сью счастливы принять своего сына и внучатого племянника Мэтью». Порядок поколений обозначен, однако можно считать по крайней мере необычным то, что двоюродный дедушка и двоюродная бабушка занимают место отца, который в объявлении не фигурирует. Но здесь по крайней мере можно установить хоть какой-то порядок поколений, в отличие от вереницы имен, вроде бы кузенов, которые объявляют о появлении на свет еще одного кузена. Или так: «Квентин нас приятно

удивил, показав свой нос 29 июля 2002 г. в 1 час 20 минут, к огромной радости своих двоюродных братьев Кевина и Николя, а также всей семьи». Следует ли тут представить себе крайнюю сложность вертикального порядка поколений, рассмотреть вариант, когда дети растут как грибы, или же учесть тот факт, что Кевин и Николя сыграли, возможно, какую-то роль в зачатии Квентина?

Сегодня существует возможность отбирать эмбрионы так, чтобы рождающиеся дети позволили излечить серьезное заболевание своего брата или сестры. Некоторые, презрев родительские доводы, считают необходимым бунтовать против этой практики, получившей название «ребенка-лекарства». Но разве у большинства детей нет какого-то предназначения? О нем не всегда говорят, но бывают и исключения: «Наша будущая пианистка Селия А. родилась 26 июня 2002 г.». — сказано в объявлении. Хорошей карьеры Селии!

Когда ребенку дают имя Аполлонии или Антигоны, и если он родился 14 июля, трудно представить, что ребенку не обещана великая судьба...

Вы не верите в фей, а зря: «Захари, родившаяся 1 июля 2002 г. Приветствуем тебя с радостью в нашем теплом мире. Подпись: феи Гуена и Мари».

Объявления о годовщинах и кончинах призваны напомнить о том, что о людях не забыли. Одно из таких объявлений поразило меня: «26 июля 2001 г. мой отец Бартоломе М. воссоединился с моим братом Жаном-Габриэлем, умершим 18 апреля 1973 г., моей сестрой Маргерит, умершей 18 июня 1984 г., моей мамой Жизель Ж., умершей 8 марта 2001 г., моей сестрой Мари-Жан, умершей 22 июня 2001 г.». Подпись: Антуанетт М. С.

Без комментариев, единственное — у меня промелькнула тяжелая мысль о том, что эта женщина посчитала важным сообщить о том, сколько раз ей пришлось скорбеть в своей жизни.

Из колыбели на кушетку

Чем вы занимаетесь с детьми? – часто спрашивают меня.

– Я говорю с ними.

– И это и есть психоанализ?

Такой вопрос может быть по своему тону любопытствующим, насмешливым или же злобным.

Чтобы никого не шокировать, я отвечаю, что страдающих детей психоаналитик может «выслушать», а иногда и понять.

От чего страдает грудной ребенок? От чего-то такого, что касается лично его или его родителей. От более или менее заметного расхождения между своими восприятиями, которые можно считать «истинными», и той осознанно или неосознанно навязываемой ему «неправдой», которая возникает, когда ему хотят рассказать о его происхождении или расставаниях, которые не обсуждались.

Это относится к некоторым детям, которые были усыновлены, но от них скрывается не сам факт усыновления, а некоторые его обстоятельства. Но то же самое относится и к детям, от которых скрывают уход, тюремное заключение или же смерть родителя или же человека, важного для матери, отца или ребенка. В наименее тяжелом случае неожиданная, происходящая без единого слова, смена няни – один из важных источников симптомов, генезис которых остается для родителей неясным.

Как выражается страдание такого рода? Ребенок, который пока еще не научился языку, все равно живет, как и все люди, в символическом мире, то есть в мире, где говорят. Символическая деятельность ребенка выражается в его телесных функциях, действующих с самого рождения и не требующих научения, таких как сон, дыхание, переваривание пищи и сенсорное восприятие. Наиболее частые симптомы – расстройства сна, пищеварения (рвота, диарея, колики), дыхания (бронхиты), наконец, частые ангины и отиты, поражения кожи. Когда же при помощи родителей мы объясняем ребенку, разговаривая с ним, смысл телесных расстройств, которые у него проявляются (что, конечно, не исключает в случае необходимости медицинского лечения), они часто уменьшаются. Не существует стандартного объяснения этих расстройств, тесно связанных с

историей каждой конкретной семьи. Словно бы язык, живая речь, был своего рода «организатором», способным расставить по местам, изменить или же сместить условия функционирования биологического тела и психики. Психоанализ взрослых наводит на мысль о том, что целесообразно анализировать страдания в раннем возрасте, прежде чем расстройства станут постоянными.

Часто говорят, что дети «все знают» и в то же время «ничего не понимают». И то, и другое верно: младенец все воспринимает. Но чтобы понять, ему нужно, чтобы взрослый назвал то, что он воспринимает. В этом, кстати, заключена существенная разница между человеческим ребенком и детенышем животного, который может осмысливать своё восприятие без языка.

Дети переживают страдание, несправедливость, непонимание, а иногда болезнь и смерть в разных формах и в разной степени, и психоаналитик не может помочь им в самой реальности. Работая с маленькими детьми, психоаналитик не заменяет собой родителей; он не утешает, не меняет саму реальность, какой бы болезненной она ни была, не дает советов по воспитанию. Однако отношения с аналитиком позволяют вернуться к эмоциям, испытанным в момент события или в ответ на важные слова. Эти эмоции вызывают симптомы, от которых ребенок сможет отказаться, чтобы превратить их в воспоминания о минувшем прошлом. Часто забывают о том, что психоанализ нужен для того, чтобы забыть.

Психоаналитик, работающий с маленькими детьми, должен рассматривать каждого ребенка в качестве совершенно отдельного, самостоятельного человека, способного быть независимым в своем желании задолго до того, как такая независимость станет возможной в реальности. Отсутствие опыта и неспособность говорить не обрекают его на небытие. Психоаналитик, способный убедить и донести слово, — посредник в символической функции, без которой жизнь не была бы человеческой.